

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: ЭКЗИСТЕНЦИЯ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ

Статья посвящена проблеме недостаточности в жизни человека. *Недостаточность* рассматривается как хроническая нехватка нечто внутри границ самоидентификации. Вводится понятие онтологической недостаточности как недоопределенности бытия до целого. Обсуждается возможность коррекции онтологической недостаточности через приведение человека в соприкосновение с трансценденцией.

Ключевые слова: онтологическая недостаточность, коррекция, экзистенция, трансценденция, целостность, граница.

Взгляд на человека как на недостаточное существо обоснован тем, что он принужден от рождения преобразовывать внешний мир, движимый чувством неудовлетворенности. Неудовлетворенность в той или иной форме сопровождает человека на протяжении всей жизни. Само рождение, в момент которого человек навсегда теряет комфортное единство со средой, свойственное перинатальному периоду, актуализирует границу со средой, и именно через нее путем личных усилий нужно переходить для удовлетворения потребностей.

Недостаточность в ее нормальных и патологических проявлениях заслуживает быть объектом философского исследования по причине важного сопровождающего ее феномена – страдания. Именно это экзистенциальное выражение недостаточности обуславливает стремление человека от нее освободиться, ее преодолеть. Философа же оно побуждает отправиться на поиск бытийных оснований, могущих осветить и природу недостаточности, и способы обращения с ней, и поставить проблему *онтологической недостаточности*.

Исследуя феномен недостаточности, мы встречаемся в философии с двумя основными терминами в ее обозначении: нехватка (который, к примеру, используют М. Хайдеггер [8], Ж.-П. Сартр [6], К. Ясперс [10]) и недостаточность (который встречаем у А. Гелена [1], Х. Плеснера [2] и др.).

Недостаток чего-либо постоянно ощущается человеком в повседневной жизни и играет фундаментальную, структурирующую роль в человеческом существовании. Поэтому для исследования этого феномена нам более подходит термин «недостаточность», имеющий смысл *хронической* нехватки, «не покрывающей потребности» [7], изъяна, несовершенства, неправильности, тогда как «нехватка» подразумевает более частный и преходящий характер, устранимый ее восполнением чем-либо конкретным.

Онтологическая недостаточность зачастую представлена в истории европейской философии не как проблема, требующая разрешения, а как норма человеческого бытия, как само это бытие (Сартр) либо как нормализованный невроз (Фрейд). Такой

* © Захарова Е.В., 2010

Захарова Елена Владимировна (mystery1978@mail.ru), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

«онтологии недостаточности» может противостоять сама постановка вопроса о возможности ее преодоления: как недостаточности, так и «недостаточной» онтологии.

Предложим следующее определение. *Недостаточность* — это хроническая нехватка нечто внутри границ самоидентификации. Она сопровождается базовым чувством неудовлетворенности и беспокойства, которое побуждает живое существо трансцендировать границу, разделяющую его бытие на Я и не-Я. Недостаточность в ее биологическом и психологическом аспекте может быть названа функциональной, она присуща всем представителям живой природы и ориентирует их на конкретную область, условно называемую не-Я, посредством экспансии в которую может быть временно заполнена нехватка.

Человеку помимо функциональной присуща онтологическая недостаточность как недоопределенность бытия до целостности, и она не может быть исчерпана в описании никакой нехваткой наличного и не указывает на какую-либо конкретную среду не-Я.

Недостаточность обусловлена наличием границы, за которую приходится выходить для поддержания жизнедеятельности. По Фрейдю, граница между Я и не-Я впервые появляется у младенца, отделившегося от матери. Граница маркирует встречу Я, то есть области самоидентификации, и Иного, или не-Я. Областей самоидентификации может быть множество, и каждая из них граничит с соответствующей областью Иного. Например, биологический организм граничит с физической средой, удовлетворяя за счет нее свои потребности.

Применительно к человеку функциональная недостаточность характеризуется *онтической* границей контакта Я с не-Я наличной среды. В свою очередь, онтологическая недостаточность есть эпифеномен *онтологической* границы, через которую происходит претворение человека в *Инобытие* трансцендентной реальности [9]. Область онтического охватывает все проявления наличного бытия самого по себе, *взятого безотносительно* к Инобытию и в этом случае квалифицируемого как повседневность. Онтологическая граница есть ориентация на Инобытие, которое объемлет и человека, и мир, будучи *трансценденцией*.

Исследование религиозных и психотерапевтических традиций дает основания говорить о *коррекции* (целении, достраивании бытия до целого), а не об устранении онтологической недостаточности.

Ликвидация недостаточности достижима только через устранение и самих границ, задающих возможность нехватки, тогда как граница — это то, что конституирует человеческую жизнь, ее определяет. Однако преодоление недостаточности волновало человеческие души на протяжении всей истории, и я тоже не могу остаться равнодушной к этой идее. Она состоит в том, что недостаточность устранима только вместе с человеком.

Подробно останавливаясь на этом вопросе, необходимо вернуться к проблеме человеческого как такового. Религиозные и эзотерические традиции, утопии, идеи Сверхчеловека и богочеловечества всегда говорили о том, что полное преодоление несовершенства и «ущербности» человеческой природы — конечная цель человеческого существования. При этом человек достигает такой «меры» опыта сознания, которую уже нельзя отнести к человеческому, но к сверхчеловеческому миру, именуемому в традициях религий миром богов, святых, архатов, бодхисаттв.

Противоречие между желанием человека преодолеть недостатки своей природы и страхом потерять себя как человека разрешаются эзотерической и религиозной мыслью таким образом, что человек рассматривается как промежуточная ступень в цепи возможного развития сознания. Первый шаг в преодолении недостаточности связан с признанием внутреннего раскола человеческого существа на многочисленные

непримиримые дихотомии, а второй шаг — с решимостью оставить страх потерять человеческую сущность. И первое, и второе условие являются, в частности, необходимыми предпосылками почти всех канонических религиозных практик.

Я полагаю, что даже в контексте религиозных путей спасения правильнее говорить о *коррекции*, а не о преодолении онтологической недостаточности, поскольку всякое размышление или практика уже находятся внутри двойственности, обусловленности.

Гармония и целостность противоречат нехватке. Недостаточность во многих йогических учениях не онтология, а состояние сознания, состояние мира (как в христианстве — первородный грех), в силу ограниченности человека ставшее онтологией. Например, лидер Бихарской школы йоги Свами Сатьянанда Сарасвати выражает такое мнение: «Некоторые утверждают, что чувство неполноценности составляет неотъемлемую часть человеческой природы. Мы решительно возражаем против этого... чувство неполноценности представляет собой эмоциональную неуравновешенность, которая в конечном счете обусловлена непониманием подлинной природы человека» [5, с. 513, 514].

Упомянутая в Тантра-йоге «онтологическая тревога» не рассматривается как норма (как в экзистенциальной философии или как у Фрейда), но как невротическое состояние современного человека, далекого от понимания своей истинной природы. Поэтому йога, в отличие от многих систем, заявляет в качестве нормы удовлетворенность и счастье человека в повседневной жизни. Недостаточность проистекает во многом из-за чрезмерного отождествления человека со своей социальной ролью или телесно-интеллектуальными проявлениями, с эго, с тем, что отвечает на вопрос «what are you?». Источник несчастья, недостаточности — психологические проблемы, являющиеся следствием обусловленности, которую необходимо преодолеть. Известно, что в Упанишадах впервые говорится о возможности восхождения на вершины йоги без отказа от повседневных обязанностей и мирских дел.

Однако, хотя некоторые современные йогические системы говорят о преодолении недостаточности «в миру», очевидно, это следует воспринимать как упрощение и популяризацию. Устранение обусловленности реально, если под обусловливанием понимать интроспективные проекты сознания — следствие издержек социализации. Полное преодоление всякой обусловленности возможно только с устранением самой жизни, поскольку оно означало бы отказ не только от категориального мышления и культурной причастности, но и от самого физического тела, равно как и вообще от всякой двойственности, ибо там, где есть граница между двумя нечто, есть и обусловленность (ограничение) этих нечто друг другом. Если же недостаточность преодолена, то нет никаких «мирских дел» и «повседневных обязанностей», так как нет разделения на мирские и немирские дела, нет ни дел, ни обязанностей, поскольку устранены все прежние психические связи. Нет проблем и вопросов, нет никакой философии. Полному преодолению соответствуют лишь слова великого Нагарджуны: «Сансара есть нирвана. Нирвана есть сансара. Сансара и нирвана — одно и то же».

Недостаточность всегда присутствует, так как жизнь выражается в различии и двойственности, а природа человека — в преодолении себя. И хотя в масштабах человеческого можно говорить только о попытках преодоления недостаточности, то есть о ее коррекции, эти попытки, на мой взгляд, являются плодотворными, если им соответствует настрой на полное преодоление недостаточности не через область человеческого, но непостижимого Иного, придающего человеческому значение бесконечного предела.

Синонимом коррекции может быть слово «исцеление», подразумевающее процесс приведения к целостности бытия, в котором человек — только *одна из* полифонически

взаимодействующих частей целого [3]. Не всякое усилие, предпринимаемое человеком, является коррекцией, но то, которое имеет в виду восполнение целостности, а значит, исходит не из личной цели, но из бытия в мире и причастности к нему человека. Коррекция подразумевает некое духовное восхождение, это всегда бытие-к: к-смерти, к-Богу, к-нирване. Эта духовная предпосылка побуждает человека «припасть» к источнику вечной жизни и бытия, именуемому трансцендентной реальностью. Желая недостижимой полноты, не удовлетворяясь своим бытием, человек стремится за свои границы, в Иное бытие, в надежде дополнить, достроить себя до целого и навсегда остаться в гармонии с самим собой.

Целостность является моим представлением о скрытом, нереализованном единстве всего сущего, объятая трансценденцией. «Мое» представление о целом всегда ограничено, условно, так как разделено внутри себя границей, объединяющей и разделяющей два нечто — Я и не-Я. Такая целостность никогда не доходит до искомого единства, так как оно не терпит ни границ, ни различий. Коррекция стремится к реализации этого единства, к слиянию с трансцендентной реальностью, к полному преодолению недостаточности, которое могло бы быть не переходом через, но стиранием любых границ, упразднением любой определенности. Коррекция никогда не осуществляет такого преодоления, оставаясь в пространстве обусловленности и двойственности, и остается только перешагиванием через границу, но не ее упразднением. Подлинное же преодоление недостаточности есть исчезновение различий — бытие, описанное в индийской философии как нирвана. Та коррекция оказывается наиболее подлинной, которая исходит из этого единства, а значит, из условности как границы, так и ее преодоления. В этом смысле человек, трансцендирующий свои границы, как бы не принимает себя, свою жизнь, свои достижения всерьез, относясь к себе не как к цели, но как к средству осознания себя частью трансценденции.

Однако такое трансцендирование границ — это и не самодостаточная игра. Скорее, оно имеет характер отрешенности, «вовлеченной отстраненности», когда я в каждый момент осознаю, что есть нечто большее, чем происходит сейчас, есть полностью превосходящее мое понимание абсолютное единство, сообщение с которым поддерживает мое свидетельствующее начало, «самое само» сознания, владеющее событием моего существования, но никогда не погруженное в него. Такая точка наблюдения за «суею сует» жизнедеятельности есть позиция метафизической надежды на преодоление недостаточности, несмотря на экзистенциальную и онтологическую невозможность, тщетность усилий по преодолению себя. Такая надежда — единственное, что позволяет подняться над постоянной переходностью, возней на границе, броуновским движением повседневности, оставаясь в этих процессах в позиции осознанного и ответственного не-присутствия, деконструирования, выявления скрытого единства отраженной в осколках мира трансценденции.

Целостность является для человека только возможностью, и притом недостижимой, поскольку она требует устойчивости, определенности и остановки, — характеристик, которыми человек заведомо не обладает в силу своей онтологической недостаточности. Но в качестве возможности целостность абсолютно необходима человеку, так как она содержит идею причастности миру. Такая возможность в человеке и есть атрибут трансцендентного. В.Н. Сагатовский предлагает такую трактовку трансцендентного: «Трансцендентная реальность есть атрибут не только универсума, но и любого сущего, поскольку любое сущее есть целое по отношению к своим частям и часть по отношению к целому» [4, с. 19].

Немецкий теолог и антрополог Г.-Э. Хенгстенберг раскрывает смысл целостности в отношении человеческого бытия следующим образом. Выход человека за свои границы, иницируемый нехваткой, происходит в двух «горизонтах»: целостности бы-

тия как такового и целостности определенного бытия (два ранга целостности действительности соответственно). В первом «горизонте» целостность задается через единство разных способов бытия (духа, наличного бытия и экзистенции), участвующих в бытии друг друга как в бытии их целого, которое участвует в каждом из них. Целостность положена Богом, и трансцендентное начало, или дух, будучи Богом, одновременно объемлет все.

Во втором «горизонте» речь идет о человеке как единстве психического, телесного и духовного начал. Достижение внутреннего единства позволяет человеку понять онтологический принцип соучастия частей в целом бытия. Это достижение возможно только через осознание «ступенчато-целевого порядка» бытия, действующего в первом «горизонте». Согласно ему, каждый способ бытия есть промежуточная ступень и *средство* для онтологической реализации следующей, а каждая последующая ступень «выражает» себя в предыдущей. Конечной целью является единство с духовным началом [11].

Концепция Хенстенберга показывает, что человек достигает полноты бытия в ориентации на *трансцендентное* как Иное по отношению к себе бытие. Инобытие охватывает и человека, и мир, будучи *трансценденцией*. Целостность — это *объемлющая* (понятие Ясперса) мир и человека трансценденция, одновременно предстающая как Иное, запредельное бытие по отношению к человеку. Ориентация на любое другое Иное способна только создать иллюзию восполнения нехватки бытия, произвести своеобразное временное «замещение». Как отмечает Хенстенберг, например, витальные и социальные модусы бытия человека имеют характер утилитарности. Человек исходит в них из соображений пользы, а не из онтологической положенности Богом сущего по отношению к индивидуальному сознанию.

Можно сказать, что целостность как исходный момент коррекции недостаточности задается трансцендентным измерением реальности и делает возможным онтологическое восполнение через любую область бытия, воспринимаемую человеком как Иное (например, природа, другой человек, сфера Бессознательного и т. д.).

Понимание недостаточности, исходящее из реальности трансцендентного, является принципом при-чащения к целому, запредельному единству, тогда как отрицание трансцендентного в качестве превосходящего и включающего в себя человека начала имеет принцип «дотраивания» человека до самостоятельного целого. Здесь мы встречаемся с двумя фундаментально разными проектами преодоления недостаточности: первый полагает единение с Богом, а второй — желание стать Богом; первым движет религиозное чувство или «философская вера», вторым — «воля к власти».

Библиографический список

1. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
2. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 368 с.
3. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии: в 3 ч. Ч. 1. Философия и жизнь. СПб., 1997. 223 с.
4. Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 232 с.
5. Сарасвати Свами Сатьянанда. Древние тантрические техники йоги и крийи: Систематический курс: в 3 т. М.: Изд-во К. Кравчука, 2005. Т. 1. 720 с.

6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 638 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова, издание 1935–1940 гг. М.: Дом Славянской книги, 2008. 960 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
9. Хоружий С.С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 75–85.
10. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории; пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
11. Hengstenberg H.-E. Philosophische Anthropologie. Stuttgart, 1957. 316 p.

*E.V. Zakharova**

ONTOLOGICAL INCOMPLETENESS OF HUMAN BEING: EXISTENCE AND TRANSCENDENCE

The article is devoted to the problem of insufficiency in human life. Lack is considered to be chronic lack of something inside self-identification limits. The concept of ontological deficiency as incompleteness and non-predeterminance of human being up to integrity is introduced. The possibility of correction of ontological deficiency by leading human being to contiguity with transcendence is discussed.

Key words: ontological deficiency, correction, existence, transcendence, integrity, limits.

* *Zakharova Elena Vladimirovna* (mystery1978@mail.ru), the Dept. of Philosophy of the Humanities, Samara State University, 443011, Russia.